

«...Все мы — одна ткань. И в этом,
чувется мне, мудрость жизни
сокрыта...»

О БОЖИЕЙ ТКАНИ

Вчера зашел ко мне мой сосед — душу облегчить. Он посидел у меня с полчаса, долго раскуривал свою прокуренную трубочку и под конец рассказал о самом важном, что у него лежало на сердце. «Мой отец, знаете, был очень добрый человек. Он давно уже скончался, но как вспомнишь его, так на душе тепло и светло делается. Он был, понимаете, портной; хороший портной, мастер своего дела; так умел построить костюм, что просто загляденье. К нему из соседних городов франты приезжали и всегда бывали очень довольны: так — посмотришь, будто нет ничего особенного, а приглядишься — ну просто художество. И всегда обо всех людях болел. Сам шьет, что-то грустное напевает, а потом вдруг скажет: "Нехорошо вчера соседи Митревну избидели, зря, все виноваты перед ней"; или: "Петру-то Сергеевичу в праздник надеть нечего, надо бы ему справиться"... И опять шьет.

Бывало, разволнуется и начнет мне о "ткани" рассказывать; а он никогда не говорил "матерьял" или "сукно", а всегда "ткань". "Присмотрись, — говорит, — Николаша, к людям. Ведь мы все одна ткань. Вот, гляди, каждая нитка к другой приникла и держит ее; все сплелись друг с другом, все вместе к единству сведены. Вот выдерни из этого суконца одну нитку, и всю ткань повредишь. Если только одна ниточка не удалась, сплеховала, истончилась или порвалась, так весь кусок выходит в брак. Ни один хороший мастер этакую большую ткань не возьмет, ни один заказчик и смотреть на нее не станет. Так и гляди, выбирая, чтобы не промахнуться, чтобы больной ткани и в заводе у меня не было.

Вот и с людьми так же. Мир от Господа так устроен, что мы все — одна сплошная ткань. Все друг к другу приникли, все друг друга держим и друг другом держимся. Если одному плохо, то всем нехорошо, а люди этого не

разумеют: глупы, близоруки. Думают: "Что мне до него, когда мне самому хорошо"... А на самом-то деле не так. Если одному которому-нибудь плохо, то он мучается и болеет; и его мука от него во все стороны распространяется. Ходит угрюмый и других угрюмит. От его беспокойства всем неуютно. От его страха у всех раздражение делается. Люди друг к другу злым местом повертываются: не доверяют, подозревают, обижают, ссорятся. И все чувствуют, что это от него идет, и на него за это раздражаются. И он это чувствует, отвернется, в себя уйдет, ожесточится. Ему любовь нужна, а они к нему с раздражением. И никто не видит его муку, а видят только его угрюмость, жестокость, сварливость; и не любят его...

И вот уже разрыв, порвалась ткань, врозь идет, расползается. Надо скорей чинить дыру; а никто за это не берется: "Мне, — говорят, — какое дело? Его беда, он и чини". А разрыв всё растет и ткань испорчена. А чинить можно только любовью: твоя беда — моя беда, моя беда — общая"...

А еще отец так говаривал: "Ведь это и в хозяйстве так. Бедный человек не одному себе беден, а всем. Нищий человек не у себя просит, а других тревожит, о муке своей говорит, язву свою обнажает. Где беда, там общая беда; где голод, там всем хлеб горек.

Безработный не один скитается, мы все им заболели. Всё равно как зуб заболит; заболит — и весь человек в смятении. Несостоятельный человек, неудачник или пьяница — он свою беду во все стороны излучает, всех задевает, всех бременит. И опять вся ткань испорчена; и надо как можно скорее чинить, помогать, дыру заделывать. Где ты не можешь, я за тебя смогу; где оба не сможем, другие вывезут".

Сердечнейший человек, знаете, был отец. И помогал всем, везде, где только мог. "Я, — говорил, — "починкою был занят", "дырку заштопал". И так, бывало, делал: собирает отрезки от всех сукон и костюмов, иной раз прямо выпросит остаточек у заказчика, и подбирает; вертит, лицует, составляет, подгоняет; очень ловко... И потом шить начнет. И уж тогда веселые песни поет. Глядишь — жилет построил; или брюки. А иногда и целый костюм подберет; завернет аккуратно в платок и снесет бедняку. И тому запретит рассказывать: этого, говорит, никому не надо знать; молчи, и всё.

И только мы в семье понимали, что происходит. А уж любили его, как редко кого. И за советом приходили, и просто поплакать. Нет, знаете, разбогатеть он не хотел; ни к чему это, говорил. Сами прокормитесь. Какое наследство... Вот что о ткани говорил, это наследие. А как почувал смерть, позвал меня и сказал: "Ухожу, Николаша. Не грусти. Все мы — нити в ткани Божией; и пока живем на земле, дано нам эту ткань беречь и крепить. Помнишь ты, был хитон у Спасителя, несшитый, цельный, весь тканый сверху донизу. Вот этот хитон нам помнить надо. Все мы — нити его и по смерти призваны врати в него. Помни о нем. Это ткань Божия. Береги ее в земной жизни: каждую нитку крепи, от сердца ревнуй. Сердце больше всего слушай. О чем оно вздохнет, то и делай. И всё будет хорошо"...

Вот и кажется мне, знаете, что он прав был. Все мы — одна ткань. И в этом, чувствуете мне, мудрость жизни сокрыта...»

Источник: И. А. Ильин. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний

